

ИВО ПОСПИШИЛ/IVO POSPÍŠIL

Университет Градец Кралове,
Чешская Республика

ORCID: 0000-0001-8358-0765

E-mail: ipospis@volny.cz

**К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**ON THE PROBLEM OF POLYMENTALITY OF RUSSIAN
LITERATURE**

Abstract

The author of the present article-reflection manifests the problem of polymentality of Russian literature on the basis of the generally recognized Russian dualities, e. g. Norman/Viking/Variyg/Variag/Varangian/Scandinavian/Russian – Slavonic, pagan – Christian, Old Church Slavonic – East Slavonic, Pax Romana – Pax Orthodoxa (The Catholic – the Orthodox), Mongolian-Tatar – Slavonic, Russia – Europe, sacral – secular, Slavophiles – Westernizers (also their modifications in Soviet times), Eurasianism – Neoeurasianism, secular – postsecular. The crucial factor is represented by the language duality and the rise of modern Russian with Old Church Slavonic grammatical kernel and important lexical strata which are capable to express various heterogeneous, alien, foreign elements. This is represented by the phenomena of extraphonic, biliterary and polyliterary writers the author of the present contemplation demonstrates on the example of Russian literature in comparison with the literature in English. The polymentality of Russian literature is a complex phenomenon which moves further preserving, however, the signs, symptoms and indicators of its evolution providing Russian literature with marks and signs of extraordinary plasticity, flexibility, and polysemy. This process goes on also in connection with the events of the first third of the 21st century including the Russian aggression and contemporary war conflict which has all-European and worldwide significance representing, together with other regional conflicts, a big

world threat. All this can modify the character of this type of polymentality, but how and in which way depends on the future development.

Keywords: Polymentality of Russian literature, Russian dualities, language duality and the rise of modern Russian with Old Church Slavonic grammatical kernel, alien elements, extraphonic, biliterary, and polyliterary writers

В последнее время в России появились статьи и самостоятельные исследования, предметом которых стала ментальность и полиментальность как доминантная черта российского общества. С такой точки зрения разбирали эту проблематику, главным образом, социальные психологи с политологическим уклоном.¹ Разумеется, что в некоторых исследованиях эта проблематика носит идеологический характер, в других скорее философский. В области прикладной науки полиментальность можно связывать с релятивной стабильностью

¹ В.Е.Семёнов: *Российская полиментальность и социальное согласие*. „Психологическая газета“, <https://psy.su/feed/8061/>. Тот же: *Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох*. Санкт-Петербург 2008. Тот же: *Российская полиментальность и умонастроения современной молодежи*. In: *Молодежная политика XXI века: стратегия выбора*. Санкт-Петербург 1999, с.35-37. В.А.Кольцова: *Дефицит духовности и нравственности в современном российском обществе*. „Психологический журнал“, №4 (2009), с. 92-94. *Российское общество: проблемы социального согласия и развития* („Человек и общество“). Выпуск 33). Под ред. В.Е.Семёнова. Санкт-Петербург 2014. В.Е.Семёнов: *Типология российских менталитетов и имманентная идеология России*. Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1997. Вып. 4., с. 59-67. В.Е.Семёнов: *Типология российских менталитетов и имманентная идеология России*. In: *Социальная психология в трудах отечественных психологов*. (Хрестоматия). Составил А. Л. Свенцицкий. Санкт-Петербург 2000, с. 485-492. В.Е.Семёнов: *Современные методологические проблемы в российской социальной психологии*. Психологический журнал 2007, № 1, с. 38-45. В. Е. Семёнов: *Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности*. In: *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. Под ред. В.А.Кольцовой, Е.В.Харитоновой. Москва 2015, с. 403-429. П.А.Сорокин: *Человек. Цивилизация. Общество*. Политиздат, Москва 1992. R.I.Aliev: *Polymentality as a Challenge to Modern Civilization*. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, SCKMC 2020. International Scientific Congress KNOWLEDGE, MAN AND CIVILIZATION, с. 2009-2016. file:///C:/Users/iposp/Downloads/Polymentality_As_A_Challenge_To_Modern_Civilization.pdf (03/11/23, 20:11). N.Kichuk, Yuri Kurilyak: *European Integration Content of the Danube – a Factor of Intercultural Education of Student Youth*. Journal of Danubian Studies and Research, vol.11, No.1/2021, с. 122-126

российского общества и предвидеть именно в этом что-то вроде имперриальных представлений. Разные идеи и явления могут носить идеологический характер, их могут использовать и злоупотреблять ими в разных целях. Для нас в настоящей статье полиментальность связывается лишь с русской литературой и становится составной частью исследования художественного произведения или же филологии как таковой. Из этих фактов и явлений, однако, не вытекают никакие другие преимущества или свойства данного культурного ареала; наши заметки скорее показывают становление и развитие этого явления на поприще русской литературы с древнейших времен по сей день с разными извилинами, сложностями этого процесса. Само самой разумеется, что некоторые положения, встречающиеся в этом размышлении, носят и полемический, дискуссионный характер, т. е. автор вообще не претендует на полноту своего изложения и на полную надежность, безошибочность или же непогрешимость. Из этого вытекает, что наша краткая статья по своей природе также гораздо уже, чем общие трактаты на тему полиметальности, которые касаются всего общества или совокупности разных наук и научных дисциплин.

Полиментальность русской литературы дана с эпохи Киевской Руси и древней литературы восточных славян, как я издревле ее называю вместо традиционного «древнерусская литература».² Она развивалась в рамках известных дуальностей, антиномических пар культурных категорий, а именно скандинавы – славяне, русский (т. е. скандинавский, норманнский викингский, варяжский) – славянский, язычество – христианство, западное христианство – восточное христианство, католическая, т. е. всеобщая церковь – ортодоксальная, православная церковь, татарский – русский, сакральная литература – секулярная литература, Запад – Восток, Европа – Россия, государство – анархия, западничество – славянофильство, евразийство – неоевразийство, религиозный, духовный – позитивистский, марксистский, советский – несоветский, антисоветский, секуляризм – постсекуляризм.³

² См. I. Pospíšil: *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století*. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
file:///C:/Users/iposp/Downloads/131882-monography-2.pdf.

³ См. I. Pospíšil: *Dualita a etický přesah v ruské literatuře*. *Etika* 1991, 2, s. 34-39.
Тот же: *Etické transcendence ruské literatury*. *Etika* 1992, 1, s. 33-45.

Основным текстом-памятником восточнославянской литературы является летопись Нестора – *Повесть временных лет* или же начальная русская летопись, источник, написанный на церковнославянском языке с примесью восточнославянских лексических, диалектных элементов, без которого мы бы не знали ничего или очень мало об истории первого государства восточных славян. Мы не будем, разумеется, возвращаться к спорам норманнской и антинорманнской теорий, ясно только что ономастика свидетельствует о решающей роли викингских военных дружин; из упомянутой хроники вытекает, что в посольстве киевских князей и княгинь, в том числе Ольги (Helga), приводятся скандинавские имена и ономастика в целом засвидетельствовала известные корни рус/рос из первоначального *ruotsi* как финское/угрофинское обозначение для скандинавов или же шведов, хотя не все исследователи согласны с такой этимологией. Если у Нестора в начальной летописи слово „русичи“ обозначает однозначно варягов, т. е. викингов, скандинавов, норманнов, позже это связывается с восточными славянами. Дуальность скандинавский, варяжский, викингский *contra* славянский стоит у колыбели первого государства восточных славян. К концу 10 века, когда в Киевской Руси происходит насильственная христианизация, возникает дуальность языческий – христианский, очень важная и в связи с тем, что христианство здесь распространялось необыкновенно трудно и что языческие обычаи удерживались долгие столетия, главным образом на севере, далеко от киевского центра, т. е. и в силу лишь постепенного восстановления сети дорог. В середине 11 века, когда произошла церковная схизма, образуется или же складывается дуальность Запад – Восток, которая приобретает разные значения, сначала католическая, всеобщая церковь с одной стороны и ортодоксальная, православная церковь с другой, позже структура светского государства и культурные эпохи, как, например, романский стиль, готика, ренессанс и гуманизм или более комплексно Возрождение, которые на Востоке представлены лишь слабо и по-своему, т. е. Запад *contra* Восток как два разных орудия культурного развития. Лишь с эпохи барокко, может быть, и маньеризма, которые распространились из рекатолизированной Поль-

ши посредством так называемой Западной Руси⁴, т. е. Белороссии/Беларуси и Малороссии/Украины, западные художественные направления начинают распространяться и в восточной Европе по одинаковой парадигме (рококо, классицизм, сентиментализм, преромантизм, романтизм и т. д.). С западной Русью связаны силлабические вирши, воздействие барокко в целом, католическое школьное обучение, интеллектуальное влияние иезуитов, восстановление киевского воспитательного центра и опосредствованно и европеизация культуры восточных славян в целом.⁵

На этих первоначальных этапах полиментальность рождается на этнической и религиозной основе, одновременно и позже на идеологической и политической основе, в рамках которой борются тенденция к подражанию Западу, Европе и, напротив, стремление к сохранению восточных ценностей, т. е. русской культурной и политической специфики.

С самого начала полиментальность в русской литературе вытекает из этнической и языковой смешанности восточнославянского и восточноевропейского ареала, из смешанного населения в силу движений человеческих масс и нападений тюркскими кочевниками с востока, а также из факта, что и в рамках Киевской Руси наблюдается сожителство славян, скандинавов, угрофиннов и тюркских племен еще до прихода Батые и взятия Рязани и Киева в 1237 и 1240 г.⁶, т. е. постепенно образуется мультинациональное (если, однако, принять во внимание, что это не нации в современном значении) и мультилингвальное государство с разными менталитетами в связи с религиозными верованиями и культурными и бытовыми традициями.

⁴ См. I. Pospíšil: *Potřebná edice o ruském myšlení* (Aleksandr Lappo-Danilevskij: *Politische Ideen in Rußland des 18. Jahrhunderts. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития культуры и политики. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Bd. 1.* Предисловие М. Ю. Сорокиной. Подготовка текста М. Ю. Сорокиной при участии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2005). *Slavica Litteraria*, X 9, 2006, с. 326-327.

⁵ I. Pospíšil: *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům)*. „*Slavica Litteraria*” 1998, X (1), с. 27-37.

⁶ О. Сулейменов: *Аз и Я. Книга благонамеренного читателя*. 1-ое издание Алма-Ата 1975, 2-ое 1989, 3-ье 1991 и т. д.

Плюрализм углубляется в дальнейшем развитии культурного ареала после исчезновения Киевской Руси как единого государства.

То, что является стержневым в становлении и развитии полиментальности русской литературы, является языковая дуальность, т. е. противопоставление общевосточнославянского, т. е. устного, орального интердиалекта, бытующего у восточных славян как доминантное коммуникационное средство вплоть до 18 века, и, может быть, при определенных условиях и позже, и старославянского восточнославянской редакции, или же церковнославянского, т. е. старославянского, используемого, главным образом, для религиозных, литургических целей. Именно контаминация этих двух языковых струй как стержневого процесса стала доминантным явлением в материале русской литературы, т. е. в русском языке. Известно, что почти вся русская грамматика носит категориально церковнославянский, т. е. южнославянский характер. С этой точки зрения русский язык является скорее южнославянским, чем восточнославянским, что касается структуры языка, грамматики, но и до определенной степени и лексики. Опираясь на этот факт, я предпочитаю утверждать, что языком древней литературы восточных славян является несуществующий древнерусский, а церковнославянский язык, обогащаемый восточнославянской лексикой и ономастикой, однако в разной степени по месту и времени возникновения отдельных письменных памятников. Для русских церковнославянская лексика как особая часть современного русского считается с синхронной точки зрения чисто русской (молоко – Млечный путь, голос – глас, город – град и т. д.) или как специфический пласт поэтического языка, т. е. как архаизмы, как они до сих пор встречаются и в новой литературе, не только в русской литературе, в особенности поэзии, 19 века, называемого золотым, т. е. эпохи романтизма и реализма, но и, например, у Ю. Бондарева в романе *Бермудский треугольник* (2000), или у медиевиста Е. Водолазкина в *Лавре*, у повестей А. Грякалова и т. д.⁷ – но для меня – это слова другого,

⁷ См. наши статьи, комментарии и рецензии: *Diachronní dimenze ruského literárního textu (Puškin – Bondarev – Grjakalov)*. In: K. Lepilová a kol.: *Text a kontext*. Repronis, Ostrava 2008, с. 86-107. *Znovu k problému diachronní hloubky literárního textu*. In: *Jazyk a komunikácia v súvislostiach III*. Red.: Oľga Orgoňová. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzita Komenského, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, с. 11-19. *Na pomezí estetiky a beletrie (Texty Alexeje Grjakalova)*. Filologická revue – nová 2007 (Filologická fakulta

чужого языка, т. е. церковнославянского. Это связано и со степенью понятности, вразумительности церковнославянского для восточных и западных славян (исследователи не раз спрашивали, до какой степени древние моравляне понимали для них Константином изобретенный искусственный, интеллектуализированный язык, основанный на южнославянских диалектах эгейской Макенодии, если, разумеется, пропустить интеллектуальные препятствия, связанные с переводом Нового завета и церковнославянскими кальками из византийского греческого). Такой язык, в котором постепенно, с течением времени, усиливалось влияние восточнославянского элемента, был в качестве литературного вразумителен на всех территориях восточных славян вплоть до 18 века. Например, произведения Григория Сковороды, украинского писателя и философа, которого все восточные славяне считают своим, иногда по разным причинам переводят.⁸ Процесс

UMB Banská Bystrica), č. 1, 2007, s. 33-46. *Žánrová štruktúra a emblematickosť apokalyptického románu Jurije Bondareva Bermudský trojúhelník a souvislosti*. Slavica Litteraria, X 5, 2002, s. 53-62. *Jurij Bondarev a jeho Bermudský trojúhelník (Recenze s ukázkami)*. Alternativa Plus, roč. VI., 2002, 3-4, s. 38-43. *Jazyk literárneho diela jako axiologický nástroj: román Jurije Bondareva Bermudský trojúhelník (K životnímu jubileu prof. Jána Doruly)*. In: *Život slova v dejinách a jazykových vzťahoch*. Na sedemdesiatiny profesora Jána Dorulu. Slavistický kabinet SAV. Bratislava 2003, s. 265-278. *Jurij Bondarev jako ruský fenomén a predstaviteľ epochy*. Novaja rusistika 2020, 1, s. 55-59.

⁸ См. наши рецензии, статьи и комментарии: I. Pospíšil: *Monografie o Hryhoriji Skovorodovi a obecné otázky ukrajinskosti* (Daryna Teteryna: Hryhorij Skovoroda – ukrajin's'kyj pysmennyk, filosof i pedagog. Kyjiv – München, RVA „Triumpf“, 2001, 322 s.). Slavica Litteraria, X 6, 2003, s. 183-185. Тот же: *Минус пафос та апологетика* (Daryna Teteryna: Hryhorij Skovoroda – ukrajin's'kyj pys'mennyk, filosof i pedagog. Kyjiv, Mjunchen: RVA „Triumpf“ 2002). Slovo i čas (Kyjiv) 2004, 5, s. 76-78.). Тот же: *Fundamentální německá práce o Hryhoriji Skovorodovi z hlediska ontologické poetiky*. Elisabeth von Erdmann: *Unähnliche Ähnlichkeit. Die Onto-Poetik des ukrainischen Philophen Hryhorij Skovoroda (1722-1794)*. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Begründet von Hans-Bernd Harder und Hans Rothe. Herausgegeben von Karl Gutschmidt, Roland Marti, Peter Thiergen, Ludger Udolph and Bodo Zelinsky. Reihe A: Slavistischer Forschungen. Begründet von Reinhold Olesch, Bd. 49. Böhlau-Verlag, Köln – Wien – Wien 2005, 740 s.. Slavica Litteraria, X 9, 2006, s. 271-273. Тот же: *Teorie jako pokus o ukotvení a uchopení (Hryhorij Skovoroda v hledáčku ukrajinské, německé a ruské literární vědy)*. Teória umeleckého diela 3. Ed.: Viera Žemberová. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešovensis, Prešov 2008, s. 71-78. Тот же: *Starší východoslovanská kultura a myšlení jako demiurg modernosti (Inspiroující dílo Hryhorije Skovorody)*. *Older East-Slavonic Culture and Thought as a Demiurge of Modernity (Hryhorij Skovoroda's Inspiring Work)*. Олег Викторович Марченко: *Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX-XX*

шлифовки русского литературного языка протекал столетия вплоть до 18 века, именно на поприще художественной литературы. Я люблю сравнивать комплекс идеологии и языка в двух произведениях, появившихся на грани 80-х – 90-х гг. 18 века, а именно *Путешествия из Петербурга в Москву* А. Н. Радищева и *Писем русского путешественника* Н. М. Карамзина: радикальная идеология, но язык именно в идейных экзальтациях почти средневековый, насыщенный церковнославянизмами с одной стороны, либерально-консервативное мирозерцание и модернизированный, почти современный русский с известными неологизмами с другой. Борьба за облик русского литературного языка велась долгое время, о чем в свое время много и компетентно писал видный русский лингвист Виктор Маркович Живов (1945–2013).⁹

С официального возникновения Российской Империи в 1721 г., полиментальность расширяется и распространяется, несмотря на продолжающуюся русификацию, может быть, и вследствие нее, на заново занятых территориях и, таким образом, и у разных наций. Русский язык как средство взаимной коммуникации, которым постепенно, иногда добровольно, иногда принужденно, стали владеть разные нации и их интеллектуальная элита, становится и средством выражения разных менталитетов и культурных моделей и традиций, искони связанных с другими языками, которые вносят в систему русского языка новые приемы, подходы, примеси, другой синтаксис, стиль, строение текста, другую коммуникационную ось художественного произведения.

Таким образом следует вернуться к проблематике русских дуальностей. Если приемлемо утверждать, что современный русский литературный язык складывался в основном из двух компонентов,

веков. *Исследования и материалы*. Москва 2007. *Slavica Slovaca*, роč. 43, 2008, 2, с. 171-174. Тот же: „*Vybrané příběhy“ filozofa literatury Olega Marčenka* (Oleg Marčenko: *Fabulae selectae. K 60-letiu mého dorozého družga Leonida Vladimiroviča Uškaloва*. Асхань, Москва 2016, 207 с.). „*Slavica Litteraria*“ 2018, č. 1, s. 143-145.

⁹ См., например, две из многих его работ: В.Живов: *Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII – начала XX века*. Москва 1990. Тот же: *История языка русской письменности: В 2 т. Том I. Русский фонд содействия образованию и науке*. Москва 2017. *История языка русской письменности: В 2 т. Том II*. Москва 2017.

а именно восточнославянского элемента и грамматической и частично и лексической структуры церковнославянского языка, следует добавить, что он представляет собой не единственный пример. Похожим, но и отличным, был и есть английский язык, в котором с самого начала переплетались слои западногерманские, т. е. англосаксонский (англичане пользуются похожим, термином, как и русские, называя его неправильно «Old English», хотя он имеет с современным английским самых разных географических вариантов лишь самые общие черты, как и язык литературы Киевской Руси с современным русским), северогерманские, т. е. скандинавские, латино-романские, т. е. латинский, норманнский древнефранцузский (Normand, Normand; в процессе дальнейшего развития возникают их современные адаптированные варианты, которыми пользуются на разных территориях, островах, располагающихся в Ламаншском проливе/The English Channel между Великобританией и Францией, т. е. Jersey, Guernsey, Sark, Alderney) или же англо-норманнский и, кроме того, на разных временно расслоенных этапах. Таким образом, например, латинский усваивался в римскую эпоху, позже в раннем христианстве, потом в эпоху Ренессанса и гуманизма и с 17–18 вв. классицизма – это процесс, который до сих пор не закончен, так как, например, в связи с новыми технологиями, усиливается в современном английском всех географических вариантов греко-латино-романский языковой пласт (так, например, в английском встречающиеся слова «destroy», но «destruction», «saint», но «sanctuary» и т. д. в зависимости от времени их заимствования; на компьютере написано «delete», из латинского deleo, delere, 2-ая конъюгация, а не, например, «leave out»), так что современный английский язык скорее романский или точнее греко-латино-романский, чем германский; это адекватно утверждению, что русский скорее южнославянский, чем восточнославянский.

Язык художественной литературы является особым зеркалом менталитетов в комплексе с языковой точкой зрения гомогенной литературы, например литератур английского или русского языка, т. е. русской литературы. Примеров так называемой экзофонической литературы сравнительно много, не только в этих упомянутых языковых комплексах, но например и в сфере немецко-итальянской, чешско-французской, армянско-французской, турецко-немецкой, швейцарско-японской, румынско-французской, ирландско-французской и т. д.

У экстрафонических авторов речь идет о том, что автор пишет на другом языке, чем на родном. В случае би- три- или полилитературности речь идет о том, что автор принадлежит к большому количеству национальных литератур, так как он пишет на нескольких языках; в случае двух- или многодомности речь идет о том, что автора считают своим разные национальные литературы, хотя он пишет все время на одном языке (например, автор пишет на латинском, но по каким-то причинам считают его своим писателем разные национальные литературы – это типично для европейского средневековья; или авторы, которые писали на церковнославянском с примесью восточнославянских элементов, но их считали одновременно русскими, украинскими и белорусскими писателями – Симеон Полоцкий). В области литературы английского языка приводят примеры большого количества авторов, которые считаются экстрафоническими или билитературными/полилитературными (Samuel Becket, André Brink, Sholom Aleychem – его языками были русский, еврейский, идиш, Jeffrey Angles, Nadeem Aslam, José María Blanco White, Karen Blixen, Joseph Brodsky/Иосиф Бродский, Joseph Conrad, Stefan Heym, Kazuo Ishiguro, Jack Kerouac, Hideo Levy, Vladimir Nabokov/Владимир Набоков, Rafael Sabatini, поразительно и Вольтер, пишущий и по-английски, Fernando Pessoa, пишущий по-португальски, по-английски и по-французски, Salman Rushdie, Tom Stoppard и т. д.).

В случае почти современных русских авторов этого типа зачастую приводят пример Чингиза Айтматова (1928–2008), который писал на родном киргизском, но потом по разным причинам только по-русски, Геннадия Айги, Анатолия Кима, Юрия Рытхэу, Владимира Санги и т. д. То, что в их произведениях рефлектирует полиментальность, очевидно. Русские читатели оценивали, главным образом, мифическую структуру, экзотическую среду, странных персонажей, странный синтаксис и стиль, его якобы восточную орнаментальность.

Полиментальность русской литературы обнаруживается на разных уровнях, в слоях разной ментальной глубины. Например, у писателей иностранного, чужого происхождения, которые давным-давно обрусели, наблюдаются лишь рамки других ментальностей, скорее какие-то стержневые принципы. У писателей, у которых родной язык полностью не исчез, и они на нем написали хотя бы часть своего творчества, т. е. они билитературные писатели, другая мен-

тальность сильнее и влиятельнее и в их русских произведениях, которые носят, следовательно, полиментальный характер.

Если посмотреть с этой точки зрения на русскую литературу, то бросается в глаза значительное количество русских писателей нерусского, чужого происхождения, так что можно даже с определенной долей утрировки подытожить, что русскую литературу образовали на большой процент иностранцы; речь идет, однако, о глубине и силе чужого происхождения и менталитета.¹⁰

Иностранцы в чужой языковой и культурной среде и степень их интеграции, их участие в жизни новой для них страны, в случае писателей – их литературные произведения, их язык и обогащение отечественной литературы посредством интегрированных иностранцев, – вот тема, которая достойна Э. Левинаса с его концепцией «лица другого». В русской литературе таких «иностранцев» сравнительно много.¹¹ Россия всегда была многонациональной и мультилингвальной страной, и присутствие в русской жизни обрусевших иностранцев и их потомков было частым явлением. Красноречивым примером может служить их участие в судьбе русской литературы в качестве инициаторов новых поэтик.¹² В первой половине 18 века стал известным Антиох Кантемир (1708–1744; см. статью брненского литературоведа¹³), сын молдавского князя Дмитрия, в годы русско-ту-

¹⁰ В этом разделе настоящего текста мы опираемся на разные наши размышления на эту тему, см. наши статьи: *Oči toho druhého („Cizinci“ v národních literaturách jako pramen hodnoty a vývojový impuls)*. In: Slavista s duší básníka. Sborník k sedmdesátinám Ivana Dorovského. Brno: Společnost přátel jižních Slovanů, Albert, Brno – Boskovice 2005, с. 43-54. *Literární dílo jako reflexe meziliterárnosti (Anatolij Kim – Jurij Rytgeev – Čingiz Ajtmatov)*. In: Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek. Brno 1998, с. 48-59. *Проблема „иностранцев“ в русской литературе и русско-польский литератор Tadeusz Bułharyn/Фаддей Булгарин: черты новизны*. Pax&Orthodoxa: Славистические исследования. Istorija, kultura, literatura. V čest' 80-letija so dnja roždenija Aleksandra Vladimiroviča Lipatova. Institut slavistika RAN, Moskva 2017, s. 231-248.

¹¹ См. нашу статью: *Oči toho druhého („Cizinci“ v národních literaturách jako pramen hodnoty a vývojový impuls)*. In: Slavista s duší básníka. Sborník k sedmdesátinám Ivana Dorovského. Společnost přátel jižních Slovanů, Albert, Brno – Boskovice 2005, с. 43-54.

¹² На эту тему я в прошлом писал и в газетной статье, см. „Cizinci“ v ruské literatuře. Lidová demokracie 5. 8. 1991, с. 5.

¹³ M. Koutná: *Satirik Antioch Kantěmir*, in: F. Wollmanovi k sedmdesátinám. Brno 1958, с. 88-89.

рецкой войны, в 1711 г., бежавший со своей родины в Санкт-Петербург. Тут молодой Антиох получил хорошее дворянское образование, учился языкам, и русский стал языком его литературного творчества. Будучи сторонником петровских реформ, он стал российским послом в Париже и Лондоне; в литературу он вступил как автор девяти сатирических стихотворений о пороках и безнравственности дворянского сословия.

У колыбели более или менее оригинальных русских романов стояли отец и сын Федор (1735–1770) и Николай (1767–1814) Эмины; кажется, есть несколько версий их происхождения, среди них, например, персидское и турецкое. Легендарный поэтический учитель Пушкина Гавриил/Гаврила Романович Державин (1743–1816) был потомком татарских князей. Еще более значительным «иностранцем» в области русской литературы был сам А. С. Пушкин (1799–1837); его портрет по гравюре Э. Гетмана 1822 г. несет в себе черты иностранного, как традиционно утверждается, абиссинского/эфиопского происхождения; другие говорят, что он был по происхождению нигерийским негром – со стороны матери. Со стороны отца он происходил из сравнительно древнего, как утверждалось, прусского дворянского рода (Радша/Ратша). Но, как показали новые исследования, это был не германец, а один из померанских славян, который после поражения ордена тевтонских рыцарей бежал на Русь и стал – как дворянин – боярином Александра Невского. Если принять во внимание, что эта война велась христианами против язычников, понятно, что в ней принимал участие и чешский христианский король Пржемысл Отакар II, основатель города Краловец (по-чешски король = *král*)/Кенигсберг/Калининград.

Враг Пушкина Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859), на самом деле поляк *Tadeusz Bułharyn*, журналист и билитератор: в начале своей литературной карьеры он писал польские статьи в виленские и варшавские журналы. Еще в конце 80-х гг. 20 века я посвятил Ф. Булгарину несколько статей. В первой из них я описал идейный фон его творчества. Кажется, что он связан именно с польским происхождением, которое внесло в русскую литературу неизвестные до того

времени штрихи.¹⁴ В этих статьях, в особенности в первой, относящейся к 1988 г., приводятся ссылки на литературу, связанную с новым открытием табуированного Ф. В. Булгарина как агента III отделения Тайной канцелярии Его Величества в годы первой русской революции и после, когда были открыты архивы царской охранки.¹⁵

В то время как происхождение Пушкина общеизвестно, хотя, как видно, не в деталях, меньше в этом отношении говорится о М. Ю. Лермонтове (1814–1841). Сам поэт, однако, знал о своих шотландских предках; он пишет об этом откровенно в стихотворении *Желание* (1831).

Это был старинный шотландский дворянский род Лермонтов (Learmonth), из которого происходил и известный Томас Лермонт из Эрсилдуна (Thomas Lermont of Ercildoune), Thomas the Rhymer шотландских баллад, блестящий менестрель (по-английски minstrel, из франц. ménestrier, лат. ministeriolis, т. е. слуга, в переносном значении поэт-музыкант). В учебном тексте скончавшейся бременской англистки Джесси Коцмановой (Jessie Kocmanová-Scott, 1914–1985) *Overseas Literature in English* (1973) обнаруживается замечательное доказательство осознания широких контекстов. Австралийский поэт Джон Манифолд (John Manifold, 1915–1985) написал элегию на смерть своего друга Джона Лермонта (John Learmonth), который погиб во Второй мировой войне при обороне острова Крит. В одной из строф приводятся следующие стихи: «Australian blood where hot and icy meet /James Hogg and Lermontov were of his kin», т. е. поэт пишет об австралийской крови своего друга, в которой сливались жара и холод – его предками были Джеймс Гогг (James Hogg, 1770–1835), современник Вальтера Скотта, и М. Ю. Лермонтов. Примерно 45 лет назад в Шот-

¹⁴ *Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin*. Slavica Slovaca 1988, 4, с. 366–384. *Методологическое значение творчества литературных аутсайдеров*. Litteraria Humanitas II, Brno 1993, 347–354. *Hořce ironická science fiction Fadděje Bulgarina*. Svět literatury 1993, 5, с. 22–28. *Fadděj Bulgarin jako literární inspirátor*. In: Biele miesta II. Univerzita Konštantína Filozófa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky), Nitra 1998, с. 29–44. *On the Margin of Genre Typology or The Hidden Pioneer of Russian Science Fiction (Faddey Bulgarin)*. Slavica Nitriensis 2016, 1, с. 27–40.

¹⁵ Речь идет, главным образом, о книгах Михаила Константиновича Лемке (1872–1923), в особенности Николаевские жандармы и литература: 1826–1855, СПб, 1908 (изд. 2-е, 1909).

ландии и в Англии я прослеживал связи имени и обнаружил, что именно в названиях городских кварталов, улиц и т. д. часто встречается имя Learmonth (Learmonth Terrace, Learmonth Lane и т. д.); то же самое можно найти в Австралии и в других бывших британских колониях.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) был, как известно, украинским/малороссийским дворянином; по семейной легенде его род восходит к казацкому роду Остапа Гоголя, гетмана Правобережного войска запорожского Речи Посполитой, другие утверждают, что связь с польским происхождением (по некоторым сведениям это приводится в якобы официальном документе Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского) связана с приобретением шляхетства, но и это спорно.; многое об этом сейчас появилось в печати и в интернете.¹⁶ Он, как известно, переплавил на русский язык – зачастую без приведения источника – произведения и мотивы своих украинских/малороссийских коллег, включая и русского поляка, или польского русского, Фаддея Булгарина.

Друг Пушкина, его поэтический учитель и предшественник Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), еще перед тем, как женился на дочери своего немецкого друга Рейтерна и переселился в Дюссельдорф, а потом во Франкфурт-на-Майне, чтобы там переводить, писать детские стихи, сказки и политические комментарии о великодержавном положении России накануне Крымской войны, был прежде всего чувствительным, ностальгическим поэтом, особым танатологом, обожателем культа смерти, могил и кладбищ; его матерью была пленная турчанка Сальха, отцом – помещик Бунин (связь с нобелевцем Иваном Буниным, 1870-1953, общеизвестна). Имя Жуков-

¹⁶ <http://sir-michael.ru/2009/04/02/chejj-pisatel-gogol-russkijj-ili-ukrainskijj/>. <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ba2.html>, 1. 9. 2013, 10:18. *Gogol: Exploring Absence. Negativity in 19th-Century Russian Literature*. Edited by Sven Spieker. Slavica, Bloomington, Indiana University, 1999. I. Pospíšil: *Gogolovi Starosvětští statkáři, mýtus o Filemonovi a Baukidě a problém ruského středověku a novověku*. In: *Druhý život antického mýtu*. Sborník z vědeckého sympozia Centra pro práci s patristickými středověkými a renesančními texty. Ed.: Jana Nechutová. Centrum pro studium demokracie a kultury, Brno 2004, s. 227-235. Тот же: *Гоголь автохтонный и аллохтонный*. In: *Н.В.Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен*. Eds: Zdenek Pechal, Oleg Zyrjanov i koll. Univerzita Palackého, Olomouc 2015, s. 37-47.

ский получил, как традиционно утверждается, от обедневшего белорусского дворянина, который стал его крестным отцом.

Неоромантик Афанасий Фет-Шеншин (1820–1892) – внебрачный сын госпожи Фет (Foeth) и помещика А. Н. Шеншина. Знаменитый русский революционер и издатель оппозиционной прессы за пределами Российской Империи, автор мемуаров *Былое и думы* (1852–1868), Александр Иванович Герцен (Herzen, 1812–1870) родился вне брака у помещика Ивана Яковлева от немецкой гувернантки Г.-Л. Гаг (Henrietta-Luisa Haag) и был *Kind des Herzens* (дитя любви). Татарское происхождение Ф. М. Достоевского (1821–1881) из села Достоево в Литве тоже общеизвестно. Происхождение А. П. Чехова (1860–1904) со стороны отца, кажется, украинское, но его родословная, над которой в последние десятилетия исследователи работали, остается темной. Сравнительно ясно обстоит дело с многочисленными поляками, которые попадали на территорию России в бурные времена 19 века, например, в годы наполеоновских войн или после подавленных восстаний 1831 и 1863 гг.

Осип Юлиан (Иванович) Сенковский (Józef Julian Sękowski, 1800–1858, псевдоним Барон Брамбеус) был русским писателем, журналистом и востоковедом польского происхождения, профессором Санкт-Петербургского университета, редактором журнала для массового читателя Библиотека для чтения, автором фантастических повестей; книгу о нем позже написал русский советский писатель Вениамин Каверин. Шведские предки были у Александра Фомича Вельтмана (1800–1870), друга Пушкина из Молдавии, поэта и прозаика (роман *Странник*, 1831–1832). „Поляками“ в русской литературе были и Александр Грин (1880–1932, Griniewski; его деда после поражения польского восстания 1863 г. сослали в Вятку), и Юрий Олеша (1899–1960, Olesza), имевший, точнее, польско-белорусское происхождение, и жертва сталинских репрессий, трилитератор (французский, польский и русский) Бруно Ясенский (Jasieński, настоящее имя Artur Zysman, 1901–1941), автор написанного по-русски романа *Человек меняет кожу*, модного среди чехов в 60-х гг. 20 века, после реабилитации автора. Владимир Даль (1801–1872) стал известным как литератор в 30-е годы 19 века после опубликования повести *Дворник* в сборнике натуральной школы «Физиология Петербурга». Ирония заключается в том, что он, своими этнографическими, с языковой точки зрения

тщательно обработанными, повестями и, в частности, своим *Толковым словарем живаго великорусскаго языка*, оставивший несмываемый след в истории русскости (известно признание А. Солженицына, что он почерпнул свои превосходные знания всех слоев и извилин русского языка именно из этого словаря¹⁷), – датского происхождения.

Специфическую проблему представляет собой роль евреев в русской литературе, и, в том числе, некоторых писателей так называемой южнорусской/одесской школы¹⁸, но это уже выходит за рамки настоящего размышления. Следует добавить, что из преимущественно русскоязычной среды или с территории мультинациональной и мультилингвальной Российской Империи происходили еврейские писатели, образующие особую школу американских прозаиков и поэтов (Joseph Heller, Sholem Aleichem/Соломон Наумович Рабинович, Геннадий Кацов, Saul Bellow, частично и Philip Roth, семья которого происходит из мультинациональной Галиции, Bernard Malamud, J. D. Salinger, со стороны отца литовско-польского происхождения, Allen Ginsberg, родословная которого восходит ко Львову/Львів/Lwów/Lemberg и т. д.).

Полиментальность русской литературы – гетерогенное целое с диахронной и синхронной точек зрения, причем эти два аспекта переплетаются, как в литературе всегда: ничего, что возникло в прошлом, не исчезает в современности полностью, оно снова и снова проникает в суть новой литературы. Полиментальность русской литературы – сложное явление, которое движется вперед, не теряя, однако, признаки, приметы пройденного пути, что придает русской литера-

¹⁷ См. С. Чупринин: *Оттепель. События. Март 1953 – август 1968. „Новое литературное обозрение“*, Москва 2020.

<https://books.google.cz/books?id=hmHcDwAAQBAJ&pg=05.11.2023>.

¹⁸ D. Šajtar: *Básník Eduard Bagrickij. Tilia, Šenov u Ostravy 1997*. См. нашу рецензию: *Slavia 1997, sešit 4, roč. 66, s. 487–488*. Далее: I. Pospíšil: *Umění uchopit a vyjádřit (Šajtar, D.: Černé labutě. Na okraj moderní literatury ruské. Ed. Libor Pavera. Společnost Leopolda Vrly, Ostrava 2006). Opera Slavica 2007, č. 3, s. 54–57*. Тот же: *Rusista ve svém klíčovém díle: několik kritických poznámek*. In: *Chodec cestami poezie. Drahomír Šajtar – 85. K vydání připravili Květa Šajtarová a Libor Pavera. Společnost Leopolda Vrly, Ostrava 2007, s. 20–25*. Тот же: *In memoriam literárního vědce: Drahomír Šajtar (1922–2009). Drahomír Šajtar aneb Vyznání stylu (I). Ústav slavistiky FF MU, Seminář Kabinet filologicko-areálových studií. Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsko-Białej, Wydział Humanistyczno-Społeczny. Autorský kolektiv pod vedením Libora Pavery a Iva Pospíšila. Verbum, Praha 2021. Proudý 2022, 1. https://www.phil.muni.cz/journal/proudý/filologie/recenze/2022/1/pospisil_drahomir_sajtar.php#articleBegin*

туре необыкновенную пластичность, гибкость и полисемичность. Этот процесс продолжается и в связи с событиями первой трети 21 века, включая российскую агрессию и современный военный конфликт, который имеет всеевропейское и мировое значение, представляя, рядом с другими региональными конфликтами, всемирную угрозу. Все это может изменить характер этой полиментальности, но, как и каким образом, покажет лишь будущее.